

Близился полдень. Умывшись и приведя себя в порядок, Гу Янь направился к обеденному павильону.

Проходя мимо открытой площадки перед горными воротами, он заметил Чэнь Аня. Тот всё так же стоял на коленях под палящим солнцем. Разбитое, опухшее лицо провинившегося покрывали капли пота, стекавшие на раскалённые камни и расплывавшиеся тёмными пятнами. Выглядел он поистине жалко.

Гу Янь лишь скользнул по нему равнодушным взглядом и, не сбавляя шага, пошёл дальше.

— Старший брат! — внезапно закричал Чэнь Ань.

От долгого пребывания на зное его голос осип и сорвался. Не обращая внимания на боль, слуга с оглушительным глухим стуком ударился лбом о землю. Слёзы, смешиваясь с потом, капали на сухую пыль.

— Старший брат, я правда всё понял! Простите меня на этот раз! Молю вас! Отныне я и помыслить не дерзну о лени! Я поселюсь на заднем склоне, буду день и ночь жить подле деревьев Билин и этих десятков му духовных полей! Не осмелюсь подвести вас ни на йоту! Старший брат, умоляю!..

Вопль его звучал надрывно, плачевно. Настоящая трагедия — любой умылся бы слезами от жалости.

Вот только Гу Янь славился непреклонным нравом. Коли сказал — сделает.

Он не был из тех, кто не прощает ошибок: раскаявшегося грешника и небо не карает. Своему слуге он уже давал шанс, когда прошлый урожай духовных полей резко сократился; ещё тогда Чэнь Аня следовало прогнать с горы Сяоцан.

Но тот не оценил милосердия. На сей раз решение окончательное: Чэнь Ань покинет гору. И пусть он хоть ноги себе переломает, стоя на коленях у ворот, Гу Янь не заставит его подняться и не доверит вновь духовные уголья.

Сделав вид, будто ничего не слышал, Гу Янь переступил порог павильона.

Внутри слуга Дин Лю как раз снял с огня котёл с парным духовным рисом Яньчжи и наваристым бульоном из рёбрышек зверюги Чжуло — духовного зверя низшего ранга. Одно блюдо — а радости на весь день: и сочное мясо, и горячая юшка.

Увидев Гу Яня, Дин Лю расплылся в подобострастной улыбке.

Движения его были ловкими и спорыми: он тут же наложил полные глубокие чаши искрящегося, прозрачного риса и душистого навара, а сверху положил пять сочных рёбер — добрых три-четыре цзиня свежайшего мяса. Аккуратно расставив всё на фарфоровом подносе, слуга с поклоном поднёс еду старшему ученику.

— Старший брат, а когда вы снова отправитесь на охоту в горную гряду Заходящего Солнца? Надумаете — замолвите за меня слово, я с радостью пойду следом! На окраине посвищу, может, травы Цзицзи наберу да отвар хороший сварю.

За горой Сяоцан простиралась горная гряда Заходящего Солнца — бескрайняя, заросшая древними лесами глушь, кишущая духовными тварями и редкими растениями. Духовных трав низшего ранга Хуан там хватало с избытком, а стоит зайти чуть глубже — можно наткнуться и на ценности уровня Сюань.

Один такой стебель, вынесенный из чащи, ценился на вес золота — сотни духовных камней!

Впрочем, даже дети знали: где сокровища, там и смертельная опасность. Диковинные травки охранялись свирепыми монстрами, и зазевавшийся искатель лёгкой наживы рисковал остаться без головы.

На всей горе Сяоцан, не считая Преподобного Цинъяна, ушедшего в уединённую медитацию ради прорыва на среднюю стадию Золотого Ядра, лишь старший брат Гу Янь, уже сформировавший своё Ядро, обладал достаточной силой, чтобы углубляться в дебри Заходящего Солнца.

Мясо в обеденном павильоне большей частью покупали на стороне, и лишь малая доля доставалась благодаря охотничьим трофеям Гу Яня. Каждый раз, отправляясь в горы, тот брал с собой кого-то из слуг, дабы те могли подзаработать на сборе простых трав. В прошлый раз удача улыбнулась Чэнь Аню.

Принесённые им растения удалось продать ровно за пятьсот духовных камней!

Пятьсот! Да на такие деньги можно горы свернуть! Их месячное жалование составляло всего пять камней — чтобы накопить подобное богатство, пришлось бы голодать почти десять лет. Дин Лю тогда едва слюной не изошёл, глядя на чужой куш.

Естественно, теперь он из кожи вон лез, лишь бы в следующий раз Гу Янь взял именно его.

Гу Янь поднёс пиалу к губам и сделал глоток.

Горячий, наполненный благоуханием бульон отзывался в теле тонкой, ласковой струйкой

духовной энергии. Она мягко растекалась по меридианам и устремлялась прямо к дантяню. Наслаждаясь этим ощущением, Гу Янь взял рёбрышко обмотанной повязкой рукой и начал неторопливо пережёвывать сочное мясо.

— В ближайшее время в горы я не собираюсь.

Он едва вступил на стадию Золотого Ядра — требовалось укрепить основу и спокойно поупражняться в медитации.

Дин Лю, хоть и рассчитывал на иное, перечить не посмел.

Он лишь заискивающе улынулся и продолжил канючить:

— Старший брат, когда надумаете — всё же вспомните обо мне! На всей горе Сяоцан никто не готовит лучше меня, да и тушу разделать или шкуру спустить — тут мне равных нет! Вам нужно будет только сразить зверя, а всю грязную работу я возьму на себя.

Слуга без усталости расхваливал свои таланты, сражаясь за заветную возможность подзаработать.

Гу Янь же оставался безучастным.

Он полагал, что относился к слугам вроде Дин Лю и Чэнь Аня более чем милосердно. Пока те не совершали чудовищных проступков — вроде двукратного падения урожая или отравы в котле, — он никогда, в отличие от учеников других сект, не поднимал на них руку и не грозил расправой.

Более того, он регулярно брал их с собой на промысел, а когда те обращались с вопросами по культивации — подробно всё разъяснял.

И что в итоге? В их глазах он всё равно уступал Линь Чжэньчжэню.

Пусть Дин Лю сейчас расплывается перед ним в лебезении, за его спиной тот то и дело устраивает Линь Чжэньчжэню «особые угощения», отбирая для того самые сочные куски с максимальным содержанием духовной энергии.

В прошлой жизни Гу Янь добывал редких высокоранговых монстров, а Дин Лю тайком сбывал всё лучшее Линь Чжэньчжэню, выслуживаясь перед новым любимчиком. Самому же охотнику доставались лишь обглоданные кости.

Видно, такова извечная пропасть между любимцем судьбы и отверженным.

Гу Янь лишь презрительно ухмыльнулся про себя.

Сейчас те события ещё не произошли, прямых доказательств нет, а потому прогнать Дин Лю с горы прямо сейчас нельзя. Впрочем, и спорить с ним Гу Янь не собирался. Просто отныне ни объяснений по культивации, ни совместных походов в Заходящее Солнце слугам ждать не стоит. Пусть идут за этим к Линь Чжэньчжэню.

Зачем тратить силы и время на тех, кто всё равно не оценит?

Пока Гу Янь смаковал сочное мясо, краем глаза он заметил, как у входа появились Чжао Чжэньюй и Линь Чжэньчжэнь.

Линь Чжэньчжэнь сменил наряд на серебристо-белое одеяние. Лишь по подолу и вороту тянулась алая вышивка, отчего он выглядел ещё более утончённым, изящным и благородным.

Красив, ничего не скажешь — по сравнению с ним простая холщовая одежда Гу Яня смотрелась сущим рубищем.

Гу Янь задержал взгляд на этом наряде, вспомнил слова Нин Шуанфэна о расторжении помолвки и на мгновение задумался, опустив глаза.

Кажется, он окончательно понял, что имел в виду Нин Шуанфэн, и вернулся к трапезе.

Пара тем временем осмотрелась и быстро подошла к нему.

Чжао Чжэньюй почтительно поклонился:

— Старший брат.

Пусть сейчас Чжао Чжэньюй и держался отчуждённо, а прежняя близость таяла с каждым днём, детская привычка и авторитет Гу Яня, выстилавшего ему путь с малых лет, всё ещё внушали ему невольный трепет. Наглеть в присутствии старшего он пока не дерзал.

Впрочем, этот страх испарится без остатка совсем скоро.

Оказавшись между двух огней, Чжао Чжэньюй твёрдо и без колебаний принял сторону Линь Чжэньчжэня.

В прошлой жизни Гу Янь не ведал о подоплёке этих отношений, позволяя им годами носить

фальшивые маски и одурачивать себя.

В этой же жизни один вид этих двоих вызывал у него тошноту.

Не поднимая головы, он произнёс ледяным тоном:

— Что вы хотели?

Чжао Чжэньюй почувствовал неладное, хоть и не мог понять, в чём дело. Затолкав внезапную тревогу поглубже, он тихо изложил суть:

— Старший брат, Чжэньчжэнь собирается спуститься к подножию горы за свежим чаем «Драконий колодец», а также за сандалом и грушами для составления благовоний.

Он помедлил мгновение и добавил:

— Я хочу прогуляться с ним. Вы не против?

На горе Сяоцан имелись специальные слуги, отвечавшие за закупки, — достаточно было оставить поручение. На самом же деле эта парочка просто хотела воспользоваться ясным деньком и проветриться.

Чжао Чжэньюй с опаской посматривал на неприступное лицо старшего брата, боясь, что тот раскусит их замысел и под предлогом усердных тренировок заставит остаться.

Гу Янь криво ухмыльнулся.

В прошлой жизни всё происходило точно так же.

Разумеется, он вовсе не собирался запрещать им уходить. Единственное, о чём он тогда пекся, — это чтобы Чжао Чжэньюй не ленился и не забрасывал упражнения. Он никогда не стремился ограничить его свободу.

Правая рука Чжао Чжэньюя была ранена, заниматься фехтованием он не мог. А Линь Чжэньчжэнь только-только прибыл на гору — хрупкий, болезненный, с кротким взглядом, выдававшим крайнюю незащищённость. Даже сам Гу Янь в перерывах между медитациями старался проявлять заботу о младшем ученике.

Прослышав о намерении младших отправиться на рынок, Гу Янь вспомнил, что у подножия горы собирается разношёрстая толпа бродячих заклинателей, направляющихся в дебри Заходящего Солнца. Опасаясь, как бы неопытные юноши не вляпались в неприятности, он взял

духовные камни и пошёл с ними, попутно купив каждому по приличному подарку из собственного кошелька.

И что же пишется в той проклятой книге? Там Чжао Чжэньюй первым делом переживал, как бы суровый старший брат не испортил им прогулку, а позже они оба тайком проклинали Гу Яня, натравливая друг друга на «навязчивый банный лист, от которого вовек не избавиться».

Что и требовалось доказать. Когда кто-то страстно хочет тебя ненавидеть, повод всегда найдётся.

Нынешний Гу Янь не намеревался тратить на них попусту слова и продолжал смаковать мясо.

Видя его молчание, Чжао Чжэньюй решил, что тот против, и нахмурился с упрямым укором.

Линь Чжэньчжэнь, уловив момент, заговорил ласковым, медовым голоском:

— Старший брат, ну отпусти второго младшего брата со мной! Посмотри сам: рана от меча на его правой руке ещё не зажила, тренироваться он всё равно не может, только тоскует целыми днями на горе. Пусть он сходит со мной за покупками, развеется немного. А как вернёмся, я приготовлю твои любимые клёцки с красной фасолью и заварю горячий чай с цветами коричневого дерева... Старший брат, ну пожалуйста!

Линь Чжэньчжэнь заигрывал и капризничал, нарочито выставляя напоказ свою чуткость и заботу.

И чем более мягким и понимающим казался Линь Чжэньчжэнь, тем более чёрствым и жестоким выглядел на его фоне Гу Янь.

— Чжао Чжэньюй, — оборвал его Гу Янь, сытый по горло этой комедией.

Отставив пиалу, он поднял взгляд. Ни да, ни нет — лишь холодный, пронизывающий взор, направленный прямо в глаза второму младшему брату. Тому самому мальчишке, которого привели к нему в шестилетнем возрасте.

В этом прежде знакомом, привлекательном лице и тёмных очках теперь сквозило лишь чуждое, жестокое безразличие, от которого становилось жутко.

Под этим пристальным взглядом Чжао Чжэньюй почувствовал себя не в своей тарелке и смущённо отвёл глаза:

— Старший брат, я...

— Тебе тридцать два года, — отрезал Гу Янь. — Ты давно не ребёнок.

Он неторопливо взял очередное рёбрышко, обмакнул его в острый соус, приготовленный Дин Лю, и в два укуса с аппетитом обглодал кость.

Тон его звучал обманчиво легковесно:

— Пора стать самостоятельным. Впредь, куда бы ты ни собрался и чем бы ни решил заняться, спрашивать моего разрешения не нужно.

Не ожидавший подобного ответа, Чжао Чжэньюй остолбенел.

Гу Янь же, не обращая внимания на его оцепенение, доел мясо, вытер пальцы и снова посмотрел на него:

— Чего застыл? Иди.

Чжао Чжэньюй простоял в неподвижности ещё несколько мгновений, прежде чем до него наконец дошло, что именно было не так.

Взгляд его старшего брата стал слишком холодным. В нём не осталось ни капли прежнего тепла, ни единого проблеска привязанности — Гу Янь больше не отражал его в своих зеницах.

Раньше всё было иначе.

Прежде старший брат мог быть суровым и требовательным в учении, но в его глазах всегда читались участие и поддержка. Каждый раз, когда Чжао Чжэньюй выбивался из сил на тренировках с мечом и готов был опустить руки, старший брат смотрел на него с незыблемой верой.

Он тихо ободрял его:

«Верь в себя, ты справишься».

«Чжэньюй, в будущем ты станешь выдающимся мечником».

«Разве ты не хотел поскорее научиться летать на мече? Без усердия этого не добиться».

Поняв это, Чжао Чжэньюй почувствовал, как внутри всё сжалось от непонятной паники.

— Старший брат, я...

— Ой, спасибо огромное, Старший брат! — перебил его Линь Чжэньчжэнь, торопливо подхватывая разрешение, пока Гу Янь не передумал.

Сказав это, он глянул на Гу Яня, который как ни в чём не бывало продолжал трапезу, ничуть не раздосадованный тем, что Чжао Чжэньюй пренебрегает культивацией ради праздных прогулок.

Втайне Линь Чжэньчжэнь недовольно поморщился.

Какая скука! Он-то рассчитывал, что Гу Янь вспылит и устроит скандал. Тогда бы представился отличный случай утешить Чжао Чжэньюя и ещё сильнее вбить клин между братьями.

Впрочем, к чему спешить? Времени у него предостаточно.

Линь Чжэньчжэнь кокетливо поведя бровью, скользнул взглядом по стоящему на коленях Чэнь Аню за дверью и произнёс с наигранным состраданием:

— Старший брат, а в чём провинился тот человек снаружи? У него ведь всё лицо разбито в кровь, да и солнце палит беспощадно... За что его так сурово наказывают?

В прошлой жизни история с наказанием Чэнь Аня тоже имела место.

Тогда Гу Янь был высокого мнения о новом младшем ученике, а потому не только подробно объяснил проступок слуги, но и, отправляясь в городок Заходящего Солнца, прихватив с собой Чэнь Аня, чтобы сбросить того подальше от тяжелой работы.

И всё равно в той книге Линь Чжэньчжэнь жаловался Чжао Чжэньюю на «жестокость и тиранию» старшего брата, который якобы совершенно не помнит добра. Мол, Чэнь Ань столько лет ухаживал за полями на горе Сяоцан, и если нет за ним великих заслуг, то есть хотя бы верность, — нельзя проявлять такую чёрствость.

На сей раз Гу Янь не намеревался тратить попусту слова.

Покончив со второй косточкой, он поднял глаза и одарил его ледяным взглядом:

— Не суй нос не в своё дело. Захочешь распоряжаться делами горы Сяоцан — сначала сам стань старшим учеником.

Линь Чжэньчжэнь осекся, лицо его пошло пятнами.

Из-за давней дружбы семьи Линь с Преподобным Цинъяном, с самого первого дня на горе Сяоцан к нему относились с почётом. Даже прочие ученики искали его расположения, заискивали и никогда не перечили. С подобным откровенным пренебрежением он столкнулся впервые.

Чжао Чжэньчжэнь, доселе витавший в своих мыслях, увидав, как Гу Янь осадил Линь Чжэньчжэня, тут же вступился:

— Чжэньчжэнь просто пожалел Чэнь Аня и спросил из доброты! К чему сразу так набрасываться? К тому же он прав: солнце палит беспощадно, у Чэнь Аня всё лицо в ссадинах. Даже если он совершил ошибку, наказание он уже понёс! Нельзя заставлять его коченеть на таком зное!

Гу Янь едва не расхохотался от злой иронии.

Хозяйственными делами горы Сяоцан одурманенный культивацией Преподобный Цинъян не занимался никогда. А у Чжао Чжэньчжэня к этому с детства не было ни малейшего интереса.

Его не волновало, каков урожай на духовных полях, какие сорта там высажены и сколько стоит один му. Он понятия не имел, откуда в павильоне берется духовный рис и откуда берутся те две сотни духовных камней, что он ежемесячно получает на личные расходы.

Он не знал, почему Гу Янь платил Чэнь Аню по пять камней в месяц, и не задумывался о последствиях запустения полей.

Чжао Чжэньчжэнь не замечал лени Чэнь Аня, не видел падения урожая и, что самое главное, понятия не имел о вредителях, заведшихся на деревьях Билин.

Он видел лишь разбитое лицо Чэнь Аня и его колени на раскалённых камнях.

И ради того, чтобы выслужиться перед Линь Чжэньчжэнем, Чжао Чжэньчжэнь, не разбираясь в причинах, прибежал обвинять его в жестокости!

Что ж, замечательного ученика он выпестовал.

— Вон, — изрёк Гу Янь тонким, лязгающим металлом голосом. — Пока я не переломал вам кости.

Чжао Чжэньчжэнь побледнел.

Его с малых лет воспитывали в строгой дисциплине, и страх перед Гу Янем въелся в самую подкорку. Заметив, как в глазах старшего вспыхнула подлинная жажда крови, он испугался,

что тот действительно отлупит его прямо здесь.

Получить побои на глазах у всех — это не просто телесная боль, это позор, от которого не отмыться!

А Чжао Чжэньчжэнь знал наверняка: Гу Янь не просто угрожает — он сделает.

Не смея вымолвить больше ни слова, он схватил Линь Чжэньчжэнь за руку и буквально вылетел из павильона.

Пробегая мимо стоящего на коленях Чэнь Аня, Линь Чжэньчжэнь словно невзначай вздохнул:

— Старший брат так беспощаден...

Чжао Чжэньчжэнь невольно поджал губы, по спине прошёл мороз, но подхватить тему он так и не дерзнул.

Покончив с обедом, Гу Янь вернулся к себе.

Его обитель представляла собой скромный дворик: бревенчатый дом на три комнаты да огороженные плетнём пол-му духовной земли. Участок был аккуратно разбит на четыре сектора, где росли четыре редких растения: Изящные красные бобы, Цветок Нерешительности, Фиолетовая колокольчиковая трава и Дерево плодов Юйцин.

Каждое из них обладало чудодейственными свойствами: очищало меридианы, укрепляло кости и закаляло тело.

При этом Дерево плодов Юйцин относилось к среднему уровню ранга Сюань — лишь немного уступая деревьям Билин с заднего склона. Остальные три принадлежали к низшему уровню того же ранга.

Подобные растения ценились на вес золота, но отличались редкой капризностью: им требовалась ежедневная подпитка чистейшей духовной энергией стихии Дерева. Только тогда они могли цвести и приносить плоды, пригодные для снадобий.

Гу Янь обладал редчайшим единичным духовным корнем Дерева и довёл владение «Техникой Возрождения Тысячи Деревьев» до совершенства, а потому возвращение духовных растений не составляло для него труда. Каждый из этих стеблей он добыл с невероятным трудом в глубинах горной гряды Заходящего Солнца, рискуя жизнью в схватках со свирепыми чудовищами.

Благодаря его ежедневной заботе растения пышно разрослись и радовали глаз свежестью.

Всё это он бережно растил для Нин Шуанфэна — чтобы помочь тому при формировании Золотого Ядра.

Прежде, учитывая их многолетнюю дружбу и статус будущих спутников на Пути Дао, — подобный подарок выглядел бы более чем естественным.

Но теперь...

Гу Янь молча смотрел на наливающиеся соком растения.

Дарить их ему расхотелось.

<http://bllate.org/book/19602/1934167>